

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2024.1.5

Социальный дуализм культуры в периметре глобализации

П. Н. Киричѐк

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются причинно-следственные моменты вхождения культуры как универсального процесса и результата креативной деятельности человека в зону неклассической амбивалентности. В такой ситуации в реформирующемся обществе, изменяющемся традиционные условия труда, быта, досуга граждан, фиксируются не только признаки социокультурного прогресса, но и симптомы аналогичного регресса. Последние объясняются появлением в арсенале современной культуры, наряду с имманентными для нее позитивными интенциями в адрес природы, личности и социальной среды, их антиподов — негативных интенций. Их проявление обуславливается масштабными издержками процесса глобализации мира, когда попадающая в плен глобалистов культура, утрачивающая социально-сущностный монизм, претерпевает двузначную функциональную метаморфозу — к ее структуросозидающей силе добавляется и структуроразрушающая сила.

Искусственно привитый культуре социальный дуализм расширяет и углубляет феномен цивилизационного противостояния, который обретает характер холодной и горячей «войны миров» с экспансией странами — лидерами процесса глобализации своего образа жизни в повседневность стран-аутсайдеров. Эта агрессивная тенденция способствует применению в политике, экономике, культуре субъектов «догоняющей цивилизации» заимствованных образцов управления, образования, воспитания и приводит, как правило, к отрицательным результатам. Во избежание подобных рисков рекомендуется установление в российском обществе такой системы управления трудом, бытом, досугом граждан, все элементы которой сверху донизу пронизываются почвенной (ментальной) культурой евразийского характера. Для определения признаков амбивалентности культурного процесса предлагаются два ценностных измерителя — позитивный и негативный аксиомаркеры.

Ключевые слова: культура; глобализация; процесс; цивилизация; менталитет; дуализм; аксиомаркер; мутация; прогресс; регресс

ВВЕДЕНИЕ

Чем дальше по «столбовой дорожке» цивилизации продвигается человечество, тем большую роль в процессе ее развития играет феномен культуры. Научным трактовкам культуры несть числа: в авторском понимании она представляет собой универсальный процесс и результат креативной деятельности человека по преоб-

разованию природы, собственной личности и окружающей социальной среды. При этом метаморфозное движение культуры по трем предметным векторам («природа — личность — среда») сходится в фокусе однозначного результата — мутации живого или неживого объекта в сторону прогресса по всем правилам диалектики. Это есть, как говорится, факт биографии населившего земную планету людского сообщества, формировавшего в своей жизни разумное, доброе, вечное начала и набиравшего опыт и умение в трех ключевых для материального и духовного бытия ипостасях: труд, быт, досуг. Иными словами: в общественной жизни всегда наличествует непрерывно воспроизводящееся социокультурное постоянство императивного свойства, а его «системообразующей силой является деятельность человека — существа одновременно природного и социального, творящего культуру и творимого ею» (Каган, 1991: 168).

Эта качественная константа, имманентная цивилизованному обществу, держит, как понтон на воде тяжелый груз, все построенное за тысячелетия социальное сооружение в виде базиса и надстройки на уровне достигнутого в материальной и духовной сферах бытия и сознания по формуле «культура → прогресс → сверхкультура». Точно охарактеризовал ее Э. Эррио: «Культура — это то, что остается, когда все остальное забыто» (Душенко, 2001: 374). В таком случае единственным релевантным измерителем содеянного — постоянно действующим культурным процессом — является «прямой» ценностный индикатор (позитивный аксиомаркер). И в качестве аксиомы в линейной парадигме социального развития понятия «культура» и «регресс» представляются несовместимыми. В самом деле, считать культуру способной присущим ей креативным инструментарием не только создать позитивное в действительности, но и разрушать подобное кажется историко-софской «абракадаброй». Конечно, в социальной практике нередко возникают сложные противоречивые ситуации, когда несправедные средства деформируют благородную цель, но столь незавидную привилегию стойкая в нравственном отношении культура обычно отдает менее щепетильным в моральном плане политике и экономике.

Но, оказывается, с «конвейера» культурного процесса могут сходить антиподы вечного, доброго, разумного: в мягком выражении — суетное, злое, чувственное, хотя таковыми они как бы и не являются изначально. Тем не менее движение людской общности в таком неестественном варианте происходит по формуле «культура — регресс — антикультура». Очевидное-невероятное, или соседство понятий «культура» и «регресс», перевернувшее «с ног на голову» статусно-ролевое ее значение в обществе, стало проявляться в связи с возникшим в XX в. процессом глобализации. В итоге невозможное вчера стало возможным сегодня: позитивный аксиомаркер культуры приобрел свою тень — негативный аналог, подвергнувший сомнению доселе классически ясную однозначность рукотворных человеческих ценностей. В нелинейной парадигме социального развития релевантным измерителем содеянного культурным процессом выступает «обратный» ценностный индикатор (негативный аксиомаркер). С этого дискурсивного ракурса вполне отчетливо проглядывает новоявленная метахарактеристика современной культуры, которая фиксирует, вопреки номинальному смыслу, ее возможный и реальный дуализм социально-практического свойства. Двухзначность культуры порождается феноменом глобализации мира и нуждается в основательном изучении.

ИНТЕНЦИИ ДВУЗНАЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В самом деле, происходящее выдает непростую загадку: в XX в. системно-деятельная значимость интенций культуры под влиянием субъективных организационно-идеологических флуктуаций, порождаемых субъектами — лидерами процесса глобализации, может утрачивать константный характер социокультурного свойства и становится не только структуросоздающей, но и, наоборот, структуроразрушающей силой. В столь противоречивой ситуации статические и динамические элементы культуры обретают способность целелеполагаться в широком общественном диапазоне: от полюса «плюс» — повышающего вектора социализации граждан, вызывающего у них настроение созидательной пассионарности, до полюса «минус» — понижающего вектора, опускающего массы людей в состояние бездеятельной апатии или девиантного поведения.

С одной стороны, культура с позитивным аксиомаркером является в постиндустриальном обществе доминантным ресурсом развития человеческой цивилизации, которая все больше нуждается в интенсивной культурной обработке повседневных реалий повседневной жизни. В образном переложении культура — это «душа общества», составляющая его внутреннюю суть, которая определяет характер и свойства «тела общества», как бы ни старались утверждать обратное ортодоксальные материалисты, не желающие проводить в данном случае аналогию с человеком и его личностным устройством. Наконец, культурное начало в XXI в., который «будет веком гуманитарных наук — или его не будет вообще» (Левистресс, 2000: 157), вполне можно представить ментально-архетипным стержнем общественного бытия и сознания, дающим матрицу развития человечества в индивидуальной и групповой системах координат.

Да, связка культуры с политикой и экономикой образует одну и ту же глубокую корневую систему, как бы ни пытались их жестко обособить профильные специалисты: в наше время любой социальный прогресс на глубинном уровне означает практически реализованный культурный «рывок» вперед, как, например, в современном Китае, а социальный регресс — это сделанный культурный откат, как в нынешней России. И первое, и второе обязательно находит либо позитивное, либо негативное выражение в политических и экономических изменениях. В первом случае социум меняется в лучшую сторону — от массовой бедности населения к среднему достатку, а во втором, соответственно, в худшую сторону — от среднего достатка к массовой бедности населения. Но при любом итоге процесс трансформации основ прежнего общества «происходит не по диаде “сознание — поведение”, а по триаде Л. С. Выготского “сознание — культура — поведение”» (Егоров, 2006: 11).

С другой стороны, культура с негативным аксиомаркером все больше эксплуатируется в качестве орудия экспансии небольшой группы стран-лидеров, стремящихся установить в мировом сообществе односторонний порядок, закрепляющий примат «золотого миллиарда человечества» над остальным населением планеты. И здесь культура с ее эмоционально-интеллектуальными интенциями, обладающая самым мощным для вторжения в чужое ментальное поле артефактным ресурсом, становится, как мы писали ранее, агрессивной служанкой политики, экономики, идеологии сильных мира сего, хотя изначально по своей сути она шире и глубже этих феноменов, вместе взятых (Киричек, 2019).

На острие глобалистской экспансии находится предназначенная на экспорт социокультурная модель «общества потребления», заготовленная американско-евро-

пейскими устроителями нового мирового порядка. И в первую очередь она адресуется — по естественной для Запада гегемонистской логике — к утверждению в пределах России, жившей целые века своим евразийским умом и бывшей, по всем политическим, экономическим, культурным признакам, главным оппонентом агрессивной атлантической цивилизации, издавна покушавшейся на роль управителя всего земного шара. А для надежного трансфера западной духовно-практической «заразы» — либерального фундаментализма — активнее всего в современном мире используется межкультурная коммуникация, предлагающая иные, в первом приближении — более успешные, модусы общественного жизнеустройства и более привлекательные с виду формы труда, быта, досуга человека.

В системно-непрерывном наступлении западной культуры на ментальные основы традиционно «живущих своим умом» народов России осуществляется глобальный замысел — полная перелицовка социокультурных доминант евразийского свойства на евро-американский лад. Этот замысел предполагает нахождение у геополитического оппонента самых уязвимых мест с последующим на них концентрированным давлением: «Готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории — и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные добавки: проникалась комплексами “национальной неполноценности”, привыкала считать зарубежное “передовым”, а свое — “отсталым”. А отсюда виделась прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам» (Шамбаров, 2014: 45).

РИСКИ ЧУЖЕЗЕМНОГО ОБРАЗЦА

Несмотря на то что открытая субъектами — лидерами глобализации социокультурная экспансия извне, как правило, обладает значительной проникающей способностью, она никогда не достигнет большого успеха в пределах чужой страны, если не найдет существенной поддержки изнутри, тем более в легально-официальном варианте. Как раз такое сложение сил и случилось в России в конце XX в., когда либеральная элита и пошедшая за ее популистскими лозунгами масса, сделав равнение на западный образ жизни с его продуктовым и вещевым изобилием и совершив крутой поворот в своем бытии и сознании, отказались от ранее освоенных социокультурных доминант коммунитаризма. Отдав симпатии аналогам индивидуализма, элита и масса пошли на повторение пройденного в собственной истории и реанимировали в совсем других конкретно-исторических условиях капиталистический модус общественного жизнеустройства с наивным расчетом на скорое вхождение в европейский дом. Маячившие на горизонте риски и угрозы от наспех реализуемой социальной инженерии, которые вполне просчитывались в связи с возможной разбалансировкой базиса и надстройки общества, никого из правящей элиты тогда не интересовали и не волновали.

1. Первый риск — в экономике: абсолютный отказ от коммунитарной формулы «государство — собственник и работодатель» с надеждой на «волшебную» руку свободного рынка и «всесильный» фактор частной собственности (кому что принадлежит и кому что достается) обернулся роковыми последствиями, а именно фактической деиндустриализацией страны с исчезновением целых производственных отраслей, над созданием которых трудились нескольких поколений граждан. Появилась стойкая безработица, опустившая миллионы отличных специалис-

тов промышленной, аграрной, строительной, транспортной отраслей народного хозяйства в незнакомое для них состояние лишних в обществе людей: «Иногда мне кажется, — пишет, например, И. М. Ильинский, — что народ российский опустели до уровня легко контролируемого “общественного животного”, готового стоять на задних лапках за любую подачку — будь то прибавка к пенсии, индексация зарплаты, а то и просто обещание завтрашнего просветления жизни» (Ильинский, 2023: 47).

Негативным следствием либеральной реформы явилась перевернутая диспозиция основных субъектов в экономике: главным актором здесь стал не первичный (производственный), а вторичный (финансово-банковский) сектор, набивавший кошельки одних граждан и опустошавший карманы других. Страна «подсела» на сырьевую (газонефтяную) иглу с расточительной эксплуатацией невозполнимых природных ресурсов с заграничным обменом на постоянно воспроизводимые предметы — одежду, обувь, пищу, лекарства, бытовую технику и др. В довершение состоялось кричащее по доходам расслоение населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более 20 раз — при допустимом пределе не более 10 раз), где отмечается единственное достижение либеральной экономики — чрезмерно быстрый по заграничным меркам рост числа отечественных миллиардеров.

2. Второй риск — в политике: абсолютный отказ от коммунитарной формулы «народ и партия — едины» (как бы скептически она сегодня ни звучала, хотя в годы войны с фашистами работала замечательно) обернулся для страны не менее тяжелыми последствиями, а именно фактической «приватизацией» политической сферы отдельными элитными группами, при которой рядовому гражданину путь избрания в органы законодательной власти оказался декларативно провозглашенным, но практически закрытым. Особенно это стало заметно в последние два десятилетия: административный ресурс кандидатов от власти превратил право граждан на выборах голосовать и избирать в техническую формальность. Главный выборный орган — Государственная Дума — стал канцелярским придатком к президентской Администрации, одобряющим все законодательные инициативы исполнительной власти, работающей во благо себе, любимой...

Вопреки постулатам Конституции РФ, в стране утвердилась, в основном с помощью манипуляционных технологий, неолиберальная экономическая политика, чьи представители руководят большинством органов власти на федеральном и региональном уровнях. Оформилось радикальное сословное разделение ранее объединенной нации на богатых и бедных, всевластных и безвластных людей с формально равными, но фактически неравными социально-мобильными возможностями. В чистом виде с резкими контрастами проявилась имманентная «дикому» капитализму социальная несправедливость, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб. А манкировать в России архетипическим принципом социальной справедливости — значит подвергать общество масштабному риску очередного революционного катаклизма.

3. Риск третий — в культуре: абсолютный отказ от коммунитарной формулы «искусство принадлежит народу» фактически обернулся ее отрывом от родной (ментальной) почвы и отказом от шлифованной веками этико-эстетической осно-

вы. Лучшее, что было создано нами, как нацией (по М. Горькому), — художественная литература — утратила свои уникальные именные черты: патриотическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, изящную лиричность, тонкую психологичность. Публичная сфера засорилась бытовым бескультурьем, нецензурной лексикой, эпатажной медиапродукцией с консистенцией из деструктивной для людского сознания и психики «тройной ухи» — «чернухи, мокрухи, порнухи...».

Займованный из арсенала глобализации либеральный праксис власти с начала 1990-х гг. подвергнул в России нигилистической ревизии коренные духовные ценности народного бытия — гуманизм, патриотизм, героизм, коллективизм, альтруизм — с попытками исключить их из народной памяти, хотя наперекор им «люди начинают сообразовываться с прошлым и именно в силу этого становятся внимательными к тому, что меняется в настоящем» (Шилина, 2009: 31). Внедренный сверху либеральный фундаментализм установил квазирыночный режим существования в ключевых сферах общественной жизни: в экономике — меркантилизм, в политике — аморализм, в культуре — утилитаризм. У состоявшегося в сегодняшней России капитализма обнаружилось отнюдь не «человеческое лицо», а совсем другое — олигархическое, без сантиментов, когда о здоровье, науке, образовании, культуре народа сверхбогатые граждане не думают и даже не желают налог на сверхприбыли платить больше 13%. В итоге Россия перестала быть духовно-практическим полюсом мира, коим она значилась на земном шаре как минимум два столетия.

В скрижалях народной памяти остался случившийся на стыке веков вселенский обман и самообман: на волне демократической эйфории многим людям казалось, что для успешного управления страной достаточно поменять в руководстве коммунистов на либералов, как все сразу наладится и в политике, и в экономике, и в культуре. А новые управленцы, убежденные в необходимости рыночных перемен, прежде «речистые» на митингах и собраниях, но теперь занявшие государственные должности, сумеют повести страну по новому пути к светлому будущему европейского образца, где каждый россиянин, независимо от социально-ролевого статуса, будет жить, как в Швейцарии, и иметь в личном пользовании красивую виллу с лужайкой и бассейном...

Увы, эта сказка не имела шансов стать былью: выросший на одной национальной почве образ жизни не может в полном подобии культивироваться на другой национальной почве. Он обязательно столкнется с инерционным сопротивлением иной социокультурной среды («народ не тот!» — говорили потом младореформаторы). Тем более что за этот безнадежный проект — тотальной переделки россиян в англосаксов — взялись управленцы-либералы, увидевшие в европеизме и американизме идеально образцовый миропорядок, установить который в России мешал «совковый» ментальный традиционализм, подлежащий списанию в архив истории: «Опыт России показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть. Целенаправленная эксплуатация этих фобий — главная находка нашего противника в “холодной войне” и главная причина российских катастроф» (Панарин, 2006: 253).

Сделанное элитой в период глобализации отключение защитных механизмов страны от экспансии евро-американской идеологии привело к неожиданным для

массы негативным результатам. В проектах перестройки и последующих реформ, многократно заявленных в публичной сфере, рекламировался большой прогресс, а на деле случился масштабный регресс: «Самое невероятное, хотя и очевидное, состоит в том, что ни по одному признаку и показателю общественно-политическая система, сложившаяся в современной России, не выглядит и не является более конкурентоспособной и эффективной, чем отринутая советская система, уклад и образ жизни. Ни по объему производства, ни по производительности труда, ни по уровню благосостояния большинства населения, ни по рождаемости и смертности, ни по здоровью и образованию» (Толстых, 2009: 12). Как это напоминает концовку известной пушкинской сказки, где апофеозом ее повествования предстает разбитое корыто...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы это людям или не хотелось, но мировая история нередко преподносит им сюрпризы в виде парадоксов, которые опровергают аксиому — будто настоящее человечества всегда лучше его прошлого, а будущее, в свою очередь, лучше настоящего. В качестве наглядного примера можно привести «перекроенную» либеральными реформами повседневную жизнь России, которая характеризуется устойчивым социально-практическим дуализмом: заемные извне политика и экономика тянут, как в известной басне И. А. Крылова, государственный «обоз» в одну сторону, а почвенная изнутри культура — в другую. При этом она все последние тридцать с лишним лет не только бьет тревогу по поводу приносимого такими реформами вреда для страны, но и оказывает сопротивление конкретным чужеродным нововведениям под всякими аббревиатурными названиями типа ЕГЭ, ВТО, МВФ, ЕЭС: «Все это служит лучшим доказательством, что в ком сильна народная стихия, в том никакие иноземные влияния не подавят ее» (Чернышевский, 1974: 13).

Решительная, через колено, как в народе говорят, ломка евразийского менталитета, которая началась в России с начала 1990-х гг., осуществлялась постсоветской властью на встречах курсах с иностранными правителями-глобалистами. На этот рискованный путь подталкивала наивная вера реформаторов (и не только их!) в то обстоятельство, что при замене в стране прежнего общественного строя на капиталистический уклад длительная конкуренция в «горячей» и «холодной» формах по линии «Запад — Восток» останется в наше время рудиментом вчерашнего дня. При этом извечный геополитический соперник по мановению волшебной палочки окажется союзником, если даже не другом на все времена. Такая позиция либерально настроенной власти на практике обещала всем приверженцам однополярного мира во главе с США вассальное следование России фарватеру его государственной политики. Ну, и вышло по известному изречению: хотели как лучше, а получилось как всегда.

В итоге страна встала перед выбором — или продолжать движение в никуда, или пойти своим традиционным путем. Во внешней политике вектор выбран правильный — противостояние экспансии коллективного Запада и собирание русских земель от Крыма до Донбасса. Аналогичный поворот, с духовным импортозамещением, давно назрел и во внутренней политике, где если что-то и изменилось, то в недостаточной степени (см.: Канарш, 2020): здесь неолиберальный тренд в намерениях и действиях элиты, подтолкнувший власть предрешающую на девиантный

путь государственного строительства (при абсолютном отрицании прежнего, подвергаемого остракизму, державного опыта), требует замены на иной, патриотический, модус развития евразийской страны. Иными словами: установление в обществе такой системы управления трудом, бытом, досугом граждан, которая вся, сверху донизу, пронизывается почвенной (ментальной) культурой без вредных евро-американских «довложений». Только в этом случае в Русском суперэтнотипе может сейчас, после длительных перестроечных и пореформенных блужданий на задворках мирового прогресса, сформироваться искомое состояние духовно-практического подъема, или творчески созидательной пассионарности. В ней нуждается наша страна для осуществления системного «рывка вперед», неоднократно провозглашаемого с высокой властной трибуны. Тогда и культура из плена двузначного (амбивалентного) неестества возвратится на волю однозначного (позитивного) естества...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Душенко, К. В. (2001) Большая книга афоризмов. М. : ЭКСМО-Пресс. 1056 с.
- Егоров, В. К. (2006) Философия русской культуры. М. : РАГС. 552 с.
- Ильинский, И. М. (2023) Образование в целях оглупления // Ильинский И. М. Как уничтожали советское образование. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 332 с. С. 9–69.
- Каган, М. С. (1991) Системный подход и гуманитарное знание. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 383 с.
- Канарш, Г. Ю. (2020) Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М. : ЛЕНАНД. 300 с.
- Киричек, П. Н. (2019) Двузначность культуры в аксиомаркерах глобализации // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские чтения / отв. ред. Я.Ф. Афанасьева. СПб. : СПбГУП. 632 с. С. 348–350.
- Леви-Стросс, К. (2000) Путь масок / пер. с фр. ; сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М. : Республика. 399 с.
- Панарин, А. С. (2006) Народ без элиты. М. : Алгоритм. 352 с.
- Толстых, В. И. (2009) Российский выбор: В контексте реальной истории. М. : РОССПЭН. 173 с.
- Чернышевский, Н. Г. (1974) Сочинения Пушкина // Собр. соч. : в 5 т. М. : Правда. Т. 3. 512 с. С. 5–122.
- Шамбаров, В. Е. (2014) Антисоветчина. М. : Алгоритм. 592 с.
- Шилина, С. А. (2009) Управление субъекта власти как социологический код коммуникации. Орел : ОРАГС. 304 с.

Дата поступления: 10.12.2023 г.

SOCIAL DUALISM OF CULTURE IN THE PERIMETER OF GLOBALIZATION

P. N. KIRICHEK

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article examines the cause-and-effect moments of the entry of culture as a universal process and the result of human creative activity into the zone of non-classical ambivalence. In such a situation, in a reforming society that changes the traditional conditions of work, life, and leisure of citizens, not only signs of sociocultural progress are recorded, but also symptoms of a similar regression. The latter are explained by the appearance of their antipodes — negative intentions — in the arsenal of modern culture, along with the positive intentions inherent in it towards nature,

personality and the social environment. The manifestation of negative intentions is determined by the large-scale costs of the process of globalization of the world, when a culture that falls into captivity of globalists, losing its socio-essential monism, undergoes a two-valued functional metamorphosis — a structure-destructive force is added to its structure-creating force.

Social dualism, artificially instilled in culture, expands and deepens the phenomenon of civilizational confrontation, which takes on the nature of a cold and hot «war of the worlds» with the expansion of the leading countries in the process of globalization of their way of life into the everyday life of outsider countries. This aggressive tendency promotes the use of borrowed models of management, education, and upbringing in politics, economics, and culture by subjects of the “catching up civilization” and, as a rule, leads to negative results. In order to avoid such risks, it is advised to establish in Russian society such a system for managing the work, life, and leisure of citizens, all elements of which from top to bottom are permeated with a soil (mental) culture of Eurasian nature. To determine the signs of ambivalence in the cultural process, two value measures are proposed — positive and negative axiometers.

Keywords: culture; globalization; process; civilization; mentality; dualism; axiometer; mutation; progress; regression

REFERENCES

- Dushenko, K. V. (2001) *Bol' shaya kniga aforizmov*. Moscow, EKSMO-Press. 1056 p. (In Russ.).
- Egorov, V. K. (2006) *Filosofia russkoi kul'tury*. Moscow, RAGS. 552 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2023) *Obrazovanie v tseliakh oglupleniia*. In: Il'inskii I. M. *Kak unichtozhali sovetskoe obrazovanie*. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 332 p. Pp. 9–69. (In Russ.).
- Kagan, M. S. (1991) *Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie*. Leningrad, Leningrad Univ. 383 p. (In Russ.).
- Kanarsh, G. Iu. (2020) *Spravedlivost', demokratiia, kapitalizm: puti modernizatsii Rossii v XXI veke*. Moscow, Lenand. 300 p. (In Russ.).
- Kirichek, P. N. (2019) *Dvuznachnost' kul'tury v aksiomakerakh globalizatsii*. In: *Mirovoe razvitiie: problemy predskazuemosti i upravliamosti: XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie chteniia* / ed. by Ia. F. Afanas'ev. St.-Petersburg, SPbGUP. 632 p. Pp. 348–350. (In Russ.).
- Levi-Stross, K. (2000) *Put' masok* / transl. from French; comp., intr. article and notes by A. B. Ostrovskiy. Moscow, Respublika. 399 p. (In Russ.).
- Panarin, A. S. (2006) *Narod bez elity*. Moscow, Algoritm. 352 p. (In Russ.).
- Tolstykh, V. I. (2009) *Rossiiskii vybor: V kontekste real'noi istorii*. Moscow, ROSSPEN. 173 p. (In Russ.).
- Chernyshevskii, N. G. (1974) *Sochineniia Pushkina* // Coll. works : in 5 vols. Moscow, Pravda. Vol. 3. 512 p. Pp. 5–122. (In Russ.).
- Shambarov, V. E. (2014) *Antisovetchina*. Moscow, Algoritm. 592 p. (In Russ.).
- Shilina, S. A. (2009) *Upravlenie sub'ekta vlasti kak sotsiologicheskii kod kommunikatsii*. Orel, ORAGS. 304 p. (In Russ.).

Submission date: 10.12.2023.

Киричѐк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: 8 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kpn54@yandex.ru

Kirichek Pyotr Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Department of Journalism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: 8 (499) 374-60-91. E-mail: kpn54@yandex.ru